

КАК ЖИВЕШЬ, АКТЕР?

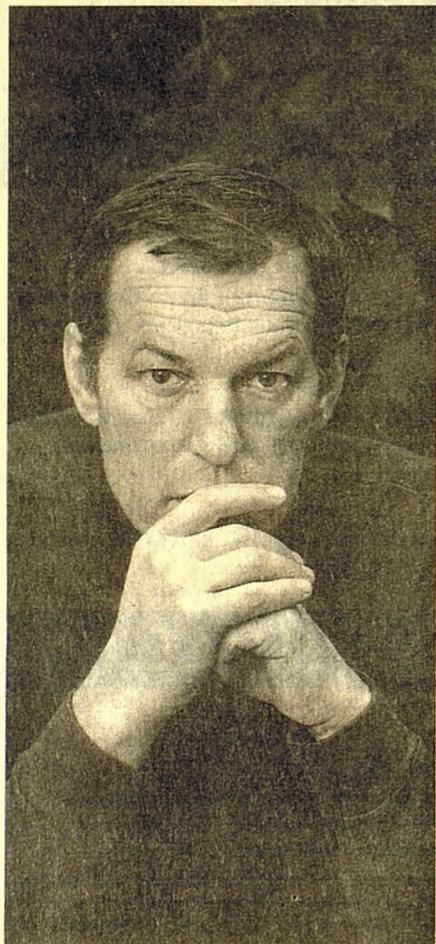

Фото Валерия ПЛОТНИКОВА (актера) «ВМЕСТЕ»

Удивительно, но прибалты, столь настороженно относившиеся всегда к «старшему брату», как никакие другие народы советской империи, органично влились в русскую культуру. Кино — самый яркий тому пример. Литовские, латышские, эстонские актеры были и до сих пор остаются суперзвездами отечественного экрана. Регимантас АДОМАЙТИС — один из тех, кто и сегодня, во времена таможен и виз, говоря об искусстве и культуре, употребляет местоимение «наши».

— Регимантас, минувшей осенью вы были членом жюри фестиваля «Созвездие». Означает ли это участие в фестивале российских актеров, что вы чувствуете свою принадлежность к общему культурному и кинопроцессу?

— Конечно! Все наши связи — творческие, профессиональные, дружеские — на этой земле, в этом пространстве. Как их порвать? Для моего поколения это невозможно, оно всегда будет жить в той культурной среде, в которой существовало все годы, пока мы были вместе. Столь многолетние узы не могут исчезнуть из-за разногласий в политических взглядах и национальной принадлежности. Думаю, я не единственный, кто никогда не собирался и в будущем не собирается расставаться с русским, российским кинематографом. Ведь литовское кино и раньше нас не баловало. Последний раз я снялся на литовской студии очень давно. В основном — в России, на Украине. Даже с чисто бытовой точки зрения прокормиться театральной зарплатой невозможно. Меня поддерживал только кинематограф, и я страшно рад, что меня до сих пор продолжают звать в Москву и Петербург.

— Но как вы представляете себе это в будущем? В Литве введена своя валюта, платить доллары наше кино вряд ли в состоянии.

— Ну, границы, валюта, политика не преграда для совместной работы,

Литовское кино кончилось,

считает Регимантас Адомайtis

для творчества. Пока, во всяком случае, я ее не ощущаю.

— И, значит, ностальгии по нашему зрителю, по режиссерам, партнерам, съемочным площадкам не испытываете?

— Трудно сказать, что будет дальше, но пока нет. К сожалению, у нас, в Литве, искусство в очень тяжелом положении, а если говорить о кинематографе, то можно считать, что он кончился.

— Я слышала, что в прошлом году в Литве был снят всего один художественный фильм.

— Да и то не представляю, как его сумели доснять, потому что деньги, полученные от государства, закончились на полпути. Литовская студия практически перестала существовать. Она превращается постепенно в мастерские, сдает помещения акционерным обществам и хоть гласно о своем банкротстве еще не заявила, но с кинематографом ничего общего больше не имеет. Что-то пытаются делать молодые, находят деньги, снимают. Трудно, с кровью, очень мало, но все же... Я был поражен, когда узнал, что Россия по сей день выпускает сотни фильмов в год. Другое дело, что их никто не видит, но они есть! И какие фильмы! Значит, ситуация в кино не так безнадежна, как представляется нам в Литве. Я приезжаю в Москву, включаю в гостинице телевизор и каждый вечер смотрю передачи о кино, театре, музыке, живописи, о людях искусства, памятниках культуры. Боже мой! Да у нас я давным-давно не видел ничего подобного. Культура оказалась вытеснена из жизни.

— В России всегда воспринимали Балтию как кусочек Европы. В том чис-

ле в искусстве. Я говорю не о «западных» детективах, что в большом количестве снимались на Рижской и Литовской студиях (хотя и это показательно), а о более мягком, снисходительном отношении к художнику. Вы могли позволить себе то, что киногда не допустили бы в метрополию. Потому и искусство было более раскованным, европеизованным. Сейчас ситуация перевернулась, вы гораздо быстрее нас входите в Европу во всех сферах жизни — кроме искусства. Что же будет? Смогут ли когда-нибудь литовское кино быть конкурентоспособным на европейском рынке, сможет ли существовать в европейском процессе?

— Быстрое вхождение в Европу — это больше наше желание...

— И ваше заблуждение?

— В какой-то степени. На самом деле у нас все связано с Россией. Литовскому кино выжить в Европе практически невозможно. Не таким странам, как Литва, Латвия и даже Польша, тягаться с западным кинематографом. Ведь и Скандинавия чаще всего делает копродукцию с другими странами. Их внутренний рынок слишком мал. Наш тоже. Плюс бедность. Маловероятно, что в ближайшее время мы будем способны делать картины на соответствующем техническом уровне. Литовское кино и раньше существовало в контексте всесоюзного: фильмы принимались на всесоюзный экран, шли во всех республиках, в тысячах кинотеатров. Это был тот громадный рынок, которого мы оказались лишены сейчас.

— В таком случае логично предпо-

ложить, что хотя бы в этой области неслышится новое сближение с Россией.

— И у нас, и у вас сейчас происходят одинаковые процессы. Ведь и Россия, стараясь восстановить утраченные национальные ценности, в то же время поворачивается, вернее, пытается повернуться, вовне, на Запад. Мы похожи. Пытаемся навестить упущенное, хватаем то, что если и имеет отношение к культуре, то весьма опосредованное. Посмотрите на экраны кинотеатров, киоски, книжные развалы. В Москве и Вильнюсе — одна картина. Но существуют вещи гораздо более глубокие, давние, связанные с культурной традицией, подразумевающие не просто сближение, а неразрывность. Например, самое существование литовского театра с начала века связано с русской театральной культурой. Большинство наших режиссеров учились в России, наша актерская школа — это школа русского театра.

— Литовский театр всегда был театром мирового уровня. И, судя по спектаклям Някрошюса и Вайтнуса, танковым и остается. Взять хотя бы «Набукко» Верди, спектакль, который Вайтнус поставил недавно в оперном театре и который в Европе считается одной из лучших постановок 1992 года. Как-то это не вписывается в нарицательную вами картину культурного упадка.

— Ну что вы! Театр переживает сегодня колоссальные трудности. Недавно в государственном театре драмы, где я работаю, было уволено 33

человека — больше половины труппы. Я все понимаю: нет денег, государство дает крошечные дотации, посещаемость упала, да к тому же переход на договорную систему. Я сам за нее всегда ратовал. Но что должен переживать актер, оказавшийся на улице и вынужденный менять профессию?!

— Значит, в Литве совсем не создается новых трупп, студий?

— У нас масштабы не те. Меньше выбор, реже что-то возникает. Боюсь, скорее начнет закрываться старые провинциальные театры, нежели появятся новые. Сегодня театр не может существовать самостоятельно, он зависит от государственных структур. Неизвестно, смогут ли они «кормить» его. Я с ужасом вижу, как рушится то, чему вы придавали всегда такое большое значение, — творческий коллектив, ядро театра. Разваливаются труппы, а вместе с ними и круг единомышленников, за многие годы собранный режиссером. Ведь это тоже традиция русского театра — иметь постоянную труппу как общность людей, объединенных некоей духовной идеей, аккумулирующих духовную энергию. Театр перестает быть Театром. И для актера, и для зрителя, у которого масса своих проблем — и быт, и политика, и нервы, и неуверенность в завтрашнем дне. Еще в кино можно забежать, а театр просто выпадает из сферы интересов и внимания... Дефицит культуры — наша общая беда. Мы дожили до этого вместе.

Беседу вела
Ольга ШУМЯЦКАЯ